

Глава 19. Клятва в кленовом лесу

После завершения церемонии определения судьбы Инь Сюань вместе с другими внешними учениками пика Линсюэ отправился обратно.

Он шёл во главе группы, когда Шэнь Цяо, мелкий прихвостень главного героя, намеренно задел его плечом, проходя мимо. Инь Сюань нахмурился и обернулся. Шэнь Цяо, вскинув бровь, смотрел на него с нескрываемым вызовом.

— Те слова у кузницы мечей... это я их сказал. И что ты мне сделаешь?

Шэнь Цяо рассчитывал на то, что в присутствии множества учеников других пиков Инь Сюань сорвётся. Стоило тому поднять руку — и на этого полудемона можно было бы навесить новое обвинение.

Но, на беду задиры, Инь Сюань только что получил наставление от Вэнь Цзиньлуань, а затем и имя для своего духовного оружия от Лю Цинсяня. Он пребывал в прекрасном расположении духа и не собирался поддаваться на дешёвые провокации.

Инь Сюань носил кинжалы за спиной. Стоило ему положить ладонь на рукояти, как Шэнь Цяо тут же напрягся и инстинктивно отпрянул.

Однако юноша не стал обнажать клинки. Он лишь холодно усмехнулся:

— Так это был ты?

Шэнь Цяо, не понимая его спокойствия, выпятил грудь:

— Я! И что с того?

— Тогда завтра, на большом отборе, мы и выясним, кто из нас чего стоит.

Бросив это, Инь Сюань прошёл мимо, даже не удостоив его вторым взглядом. Соперник ещё не сделал ни шага, а его Дао уже пошатнулось. Такие люди, способные лишь травить слабых и пасующие перед сильными, — всего лишь жалкие фигляры. Они не заслуживают внимания и не представляют угрозы.

Тем временем Лю Цинсянь, как лорд пика, покинул арену раньше учеников. Вернувшись к себе и убедившись, что поблизости никого нет, он тут же связался с Системой, намереваясь

поторговаться.

«Сколько баллов у меня осталось и на какие секретные техники их хватит?»

Система мгновенно раскусил его замысел:

[Хотите устроить Инь Сюаньни дополнительные занятия?]

«А что делать? Раньше он тренировался только с мечом, я боюсь, что с новым оружием он будет чувствовать себя неловко».

[Вечно вы тратите баллы на ученика. Хоть раз бы купили что-нибудь для себя], — проворчал Система, но всё же послушно открыла счёт.

Лю Цинсянь, устроившись в кресле, принялся прикидывать расходы:

«Баллы нужно тратить там, где они нужнее всего. Сейчас на носу отбор в ордене. Конечно, я экономлю, но с моими безнадежными корнями проще купить временный бафф. А если в будущем демоны вторгнутся...»

Он вспомнил катастрофу, постигшую орден в его «первой жизни», и лицо его омрачилось.

«Тогда мне придётся выложиться на полную».

Затем он вновь приободрился:

«Думаешь, мне нравится так возиться? Если бы не этот проклятый Автор, который всё испортил и втянул меня в это болото, я бы и пальцем не пошевелил».

Система помолчал, а затем ответил:

[Осталась тысяча баллов. Этого хватит на неплохое руководство по технике парных клинков. Для вашего ученика в самый раз].

«Столько осталось?» — удивился Лю Цинсянь. — «После покупки рецепта я вроде бы ничего особенного не делал».

[Так вы будете менять или нет?!] — не выдержал Система.

«Меняю, меняю... Чего ты такой злющий, прямо как Дао-гэ...»

Пока он завершал обмен, во дворе показался Инь Сюаньши.

— Сюаньши! — Лю Цинсянь просиял и поманил юношу рукой. — Иди сюда, покажу кое-что интересное.

Инь Сюаньши, привыкший беспрекословно слушаться наставника, тут же подошёл и опустился на корточки у его кресла, глядя на него с нескрываемой преданностью. Мальчик вырос, но этот взгляд всё ещё вызывал у Лю Цинсяня прилив нежности. Улыбнувшись ещё шире, он протянул ученику секретный свиток.

Инь Сюаньши с недоумением принял подарок, но, пролистав несколько страниц, резко изменился в лице:

— Учитель, это?..

— Времени до завтра мало, но с твоим талантом ты наверняка освоишь её на семьдесят-восемьдесят процентов. Это поможет тебе подготовиться.

Однако на лице юноши не было и тени радости. Он пристально посмотрел на наставника:

— Позвольте спросить, откуда у вас эта техника?

Лю Цинсянь опешил и мысленно пожаловался Системе: «Этот несносный ребёнок часом не подозревает меня в воровстве?»

Видимо, Инь Сюаньши сам понял, что вопрос прозвучал странно. Он склонил голову и искренне произнёс:

— Каждый раз, когда учитель дарит мне что-то ценное, у него обостряется старый недуг. Я боюсь, что наставник растрчивает свои силы и духовную энергию, добывая для меня эти сокровища, и расплачивается за это здоровьем.

Лю Цинсянь лишился дара речи — малец попал в самую точку.

Инь Сюаньши поднял голову, в его глазах читалась мольба:

— Я желаю учителю лишь мира и радости. Пожалуйста, не губите себя ради меня.

Вечерний ветерок пронёсся над пиком, заставляя сосны за их спинами негромко шуметь. Взгляд Инь Сюаньши был таким мягким и беззащитным, что Лю Цинсянь почувствовал странное смятение в груди.

Внезапно он осознал, что перед ним больше не тот испуганный ребёнок и не тот мрачный тиран из первой жизни. Этот человек умел сопереживать и проявлять нежность. Осознав, как близко они сидят друг к другу, Лю Цинсянь невольно захотел отстраниться.

— С чего ты взял? — поспешно выдавил он, пытаясь вернуть голосу твёрдость. — Видишь, со мной всё в порядке.

Но не успел он договорить, как Система вставил своё веское слово:

[Обмен завершён. Механизм наказания будет запущен через три секунды].

«Ты это специально?!»

Система начала невозмутимый отсчёт, и вскоре Лю Цинсянь побледнел от внезапной вспышки боли.

Инь Сюань, не сводивший с него глаз, тут же подался вперёд:

— Учитель, что с вами?

Лю Цинсянь чувствовал на своей шее его горячее дыхание. Он едва заметно отвернул голову и, стиснув зубы, ответил:

— Пустяки.

— Какие же это пустяки! — Инь Сюань почти рассердился. Он хотел подхватить наставника, чтобы отвести в дом, но Лю Цинсянь удержал его за руку.

— Я сказал — пустяки, значит, так и есть! — в голосе Лю Цинсяня прорезались властные нотки. Он крепко сжал предплечье ученика и, впервые перестав улыбаться, твёрдо произнёс: — Ты думаешь, твой учитель слеп? Ты знаешь, сколько насмешек тебе пришлось вытерпеть из-за того, что ты ученик пика Линсюэ?

— Люди болтают, что в орден Линьцан берут всех подряд, но только самых никчёмных ссылают к нам. Ты пришёл вторым в списке лучших, но твои таланты до сих пор не признаны! Как я могу не беспокоиться?!

Возможно, боль лишила его осторожности, и голос Лю Цинсяня дрогнул:

— Я тоже хочу, чтобы ты жил в радости. Но ты терпишь издевательства из-за меня, из-за Линсюэ! Даже на праведном пути тебя не принимают... Мне больно от этого. Если бы ты был

учеником главы ордена, если бы всё сложилось иначе...

— Учитель! Не смейте так говорить! — в глазах Инь Сюаньши блеснули слёзы. Он рывком притянул Лю Цинсяня к себе, заключая в объятия.

Его слова прозвучали чётко и веско, словно клятва:

— Я, Инь Сюаньши, признаю только вас своим учителем. И никого другого!

В этих тёплых и надёжных объятиях Лю Цинсяню показалось, что боль немного отступила. За два года регулярных «наказаний» он научился терпеть, и теперь мог сохранять внешнее спокойствие.

Он мягко оттолкнул ученика за плечи, высвобождаясь из объятий:

— Наставнику уже лучше. Я посмотрю, как ты тренируешься.

— Учитель, вам нужно отдохнуть...

Лю Цинсянь коснулся ладонью лица юноши и непреклонно повторил:

— Я буду смотреть.

Инь Сюаньши ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Он принёс из дома одеяло из меха соболя и заботливо укутал наставника, после чего уселся на землю рядом с его креслом и полностью погрузился в изучение свитка.

Лю Цинсянь не мешал ему. Он молча наблюдал, преодолевая тупую боль во всём теле. Глядя на юношу, он чувствовал, что в этой жизни будущее всё ещё можно изменить, и от этой мысли на душе становилось легче.

Закончив чтение, Инь Сюаньши поднялся и отвесил наставнику глубокий поклон:

— Учитель, я покажу вам.

Лю Цинсянь, спрятав подбородок в пушистом меху, кивнул:

— Хорошо. Я смотрю.

Луна поднялась над горизонтом, в сосновом лесу воцарилась тишина. Инь Сюаньши прикрыл

глаза в серебристом сиянии ночи, выровнял дыхание, а затем резко сорвал кинжалы с пояса. Вспышка холодного лезвия прорезала лунный свет, словно пытаюсь рассечь саму ночь.

«У него невероятный талант», — заметил Лю Цинсянь Системе.

Он лишь сокрушённо вздохнул:

[Эх, Хозяин... Ну и ну...]

Лю Цинсянь понял, что именно она хотела сказать, но лишь улыбнулся в ответ, не отводя глаз от тренирующегося Инь Сюаньи.

Сначала движения юноши были скованными, но с каждым разом они становились всё более текучими. Технику, рассчитанную на парные мечи, он на ходу перекраивал под свои короткие клинки, виртуозно используя их преимущества.

Ночной иней оседал на ворсинках мехового одеяла и таял от дыхания Лю Цинсяня, превращаясь в крошечные капли воды. Когда первые лучи солнца начали испарять эту влагу, Инь Сюаньи остановился. Тяжело дыша, он обернулся к наставнику.

От него, протренировавшегося всю ночь без отдыха, валил пар, лоб блестел от пота.

Лю Цинсянь хотел было встать и похвалить его, но Инь Сюаньи вдруг рухнул перед ним на колени. Его глаза были красными, казалось, он вот-вот разрыдается. Улыбка на лице наставника застыла, он поспешно потянулся, чтобы помочь ученику подняться.

Но Инь Сюаньи лишь отвесил ему земной поклон, после чего встал и осторожно смахнул остатки влаги с мехового одеяла.

Теперь он был почти на полголовы выше Лю Цинсяня. Пока он поправлял мех, в его движениях сквозила странная, пугающая нежность.

Лю Цинсянь невольно отшатнулся и отвёл взгляд:

— Что ты... что ты делаешь?

— Если учитель хочет, чтобы я стал лучшим, я им стану.

Раньше Инь Сюаньи, заметив смущение наставника, тут же отступил бы. Но на этот раз он не шелохнулся. Когда Лю Цинсянь попытался отвернуться, юноша крепко перехватил его за запястье.

Он опустил глаза и начал медленно, почти благоговейно поглаживать большим пальцем тотем демонического контракта на коже наставника.

Лю Цинсяня пробилла необъяснимая дрожь. Внутри него всё перевернулось.

— Сюань? — встревоженно позвал он.

Юноша словно очнулся и выпустил его руку.

— Каким бы человеком наставник ни захотел меня видеть, таким я и стану. Если учитель чего-то желает — я добуду это для него. Если чего-то не хочет — я уничтожу это.

— Я буду становиться сильнее до тех пор, пока в этом мире не останется никого, кто мог бы обидеть вас, и ничего, что было бы мне не под силу. Поэтому, учитель... прошу вас, больше не губите себя ради меня.

Закончив, он наконец оставил Лю Цинсяня в покое и, развернувшись, быстро ушёл.

Система в недоумении подал голос:

[Он что, разозлился?]

Лю Цинсянь промолчал. Он лишь прижал ладонь к татуировке на запястье, чувствуя, как горит кожа, а сердце бьётся так неистово, что его внутренний «сердечный светильник» грозит превратиться в настоящий пожар.

<http://bllate.org/book/17557/1712281>